

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Мальвина и Карабас

Так ее звали — Мальвина. Спасибо родителям. И у нее действительно были голубые волосы. Но это уже — благодаря ему, Ивану Абрамычу.

Иван Абрамыч не думал, что так получится. Он пришел на вечеринку, которую устроили его новые соседи — Мироненки. Был в ударе, шутил. И сказал Мальве Мироненко, белокурой, невыносимо нежной и розовой девице, глазевшей на него весь вечер:

— Какая же ты Мальвина? А где голубые волосы? А? Сказано ведь — «девочка с голубыми волосами...»

Мальва покраснела, побледнела, тряхнула гривой и умчалась на кухню.

Ей было хрен знает сколько лет — такие спеленькие, как персики, девушки всегда без возраста, хоть им шестнадцать, хоть двадцать три. Иван Абрамыч поинтересовался как-то, но Мальва проревела басом — «девянсто девять с половиэээээной!» — скорчила рожу и захохотала, как гиена. Телом она тянула на двадцать с гаком, личиком — на школьный выпуск, а поведением — и того меньше, где-то между детским садом и первыми месячными.

Буквально через пару дней Иван Абрамыч не поверил своим глазам: вокруг Мальвиного персикового личика мерцала, как аура, голубая шевелюра, переливаясь всеми оттенками морских глубин.

— А так? — Мальва встала перед ним в «модельную» позу. — Так правильно?

— Ну ты даешь, — сказал Иван Иванович, когда смог говорить.

Густой, насыщенно-синий цвет оттенялся аквамаринowymi и зеленоватыми прядями по краям. Все это играло и сияло, как утренняя волна. Иван Абрамыч, мягко говоря, не одобрял такие эксперименты, но он не мог не признать, что Мальва, и без того хорошенькая, стала чем-то вроде феи или какой-нибудь другой сказочной небывальщины.

Конечно, он не подал виду и высказался, как положено взрослому дяде: «а это смывается? нет? у тебя были такие волосы, Мальва...»

Конечно, она разобиделась и убежала; конечно, он чувствовал себя дураком, и на этот раз даже знал, почему.

Так и стала Мальвина настоящей Девочкой с Голубыми Волосами. Скоро всем стало казаться, что они так и растут у нее голубыми, от природы — тем более, что их цвет точно попал в тон ее синих, как море, глаз. Прошло время — и все привыкли к голубой голове, и было странно думать, что она могла быть другого цвета.

Первое время голубая голова непрерывно снилась Ивану Абрамычу. Тот перепортил все свои трусы, и пришлось устроить внеплановую стирку.

«Да что ж это», пилил себя Иван Абрамыч, «желторотое ведь чудо-юдо, бантики вместо мозгов... Опомнись, старик»

Как на грех, Мальва отчаянно лезла к нему. Настолько, что даже он не мог этого не заметить. Она все время путалась у него под ногами, искала поводы для визитов, а когда не находила — просто звонила в дверь. Иван Абрамыч открывал, и та стояла, молча глядя в пол.

— Ну что, Мальва? — задавал он обычный свой дурацкий вопрос. Мальва или продолжала молчать, или вздыхала, или убегала к себе.

Иван Абрамыч, спрятавший свои сны в глубокий тайник, не допускал ничего серьезного с ее

стороны. «Переходный возраст», думал он, косясь на два пухлых шара, торчащих из Мальвиного тела. Ей не полагалось иметь такую грудь, но она имела ее, и это было фактом, смущавшим всех, кто ее видел.

Продлившись неделю, Мальвины атаки вдруг прекратились. Несколько раз Иван Абрамыч видел, как она картинно целуется с чернявым парнем. У того, как нарочно, был длинный нос. «Ну вот, все и сложилось», — думал Иван Абрамыч, — «Мальвина и Буратино». Его так и подмывало сказать ей про это, и он еле сдерживался.

Однажды, когда он уже отвык от ее визитов, Мальва снова позвонила в его дверь.

— Можно пройти? — спросила она.

Это был явный прогресс: раньше она всегда молчала.

— Входи, конечно.

Иван Абрамыч посторонился. Мальва вошла, закрыв за собой дверь.

— Иван Абрамыч, — начала она и запнулась. Открыла рот, чтобы продолжить. Не продолжила. Посмотрела в упор, сверкнув глазами. Зажмурилась... и рывком стащила с себя майку.

Под ней ничего не было.

— Мальва, ты чего? — крикнул Иван Абрамыч.

— А что? — хрипло спросила она и подошла к нему, покачивая сосками, рельефными, как клубнички. Каждый шаг стоил ей явных усилий.

— Мальва!... Ну посмотри: у тебя уши дымятся. Малиновые... — говорил ей Иван Абрамыч, не зная, зачем он это говорит. Наверно, он стыдил ее, но Мальве и без того было стыдно. Ей было так невозможно стыдно, что она вдруг завалилась назад, и Иван Абрамыч едва успел поймать ее.

— Блин, блин, блин, блин, блин, — твердил он, бегая вокруг лежащей Мальвы. — Нашатырь! — вспомнил Иван Абрамыч и кинулся к аптечке, опрокинув стул.

Оглушительно чихнув, Мальва очнулась.

— А... а... — начала она.

— Все будет хорошо, — бормотал Иван Абрамыч, дрожа от ее клубничек. — Ты была в обмороке. Ну кто ж так делает?... Все будет хорошо...

— А... а вы меня... пока я... ну...

— Что я тебя?..

— Ну... оприходовали?

Иван Абрамыч уставился на Мальву. Та — на него.

Сумасшедшие глаза буравили ему мозг, как синие лазеры.

— Мальва, ты что? — строго спросил он. — Ты что?! — орал он на нее. — Совсем шизанулась? Да? Оделась быстро, и иди проветри! Мальва... — он взял тоном пониже, — ну... ну чего ты так? Ну что с тобой?

«Какой же я хреновый педагог», думал он про себя.

— А ничего, — Мальва встала, глядя ему в глаза. — Просто я хотела, чтоб вы меня трахнули. Чтоб вы меня выебли. Это чтоб Костику отомстить. Заебал он меня нахуй. И вы меня заебали. Чао!

Она напялила майку задом наперед и вышла, хлопнув дверью.

Иван Абрамыч глядел ей вслед, открыв рот. Никто никогда не слышал от Мальвы таких слов.

По зрелому размышлению он решился на Разговор. Вначале с Мальвой, потом, если не поможет, с родителями.

Но утром Мальва попала под машину.

Ничего серьезного — ушибы, ссадины, вывих, вправленный на месте, и много-много слез — так много, что глаза выцвели и стали стальными. Напуганная, исцарапанная Мальва выплакала из них всю синь. Ее перемазали зеленкой, впихнули в постель и под страхом репрессий велели не вылезать оттуда три дня.

Это было как раз в выходной. Иван Абрамыч следил, не придет ли к ней Костя, но никто не приходил.

Под вечер он решился. Мальва открыла ему, удивленная, понурая, как тень.

— Мальва, — сказал Иван Иванович, и вдруг обнял ее.

Она сразу прильнула к нему, ткнувшись в плечо.

— Я... — гудела она в него, как в глушитель. — Я...

— Что?

— Я... люблю... вас, — она заглянула Ивану Абрамычу в глаза, будто спрашивая — «да? правильно?»

— Ну вот, — говорил ей Иван Абрамыч, кивая головой, как идиот. У него так саднило в груди, что он казался себе не большим дядькой с бородой, а маленьким пацаненком, младше Мальвы. — Постой, а Костик?

— Костик — это просто так. Он донжуан, ну и вообще. Кроме того, я ведь должна научиться целоваться?

— Должна, — подтвердил Иван Абрамыч, скорчился от своей глупости, и, чтобы приглушить ее, прижал Мальву крепче к себе.

В него сразу ударил ток благодарного тела. Оно льнуло к нему так плотно, что Иван Иванович чувствовал его скорый, захлебывающийся пульс. Надо было что-то делать.

— Мальва, — Иван Абрамыч приподнял за подбородок насуспенное, отчаянно розовое лицо. Щеки и губы горели в голубых волосах, как кораллы в глубине бухты. — У тебя очень красивая грудь, — вдруг сказал он. — То есть мне очень нравится... И ты...

Лицо вспыхнуло счастьем. Прозрачные глаза прожгли Ивана Абрамыча насквозь, и Мальва сжала его втрое крепче.

— Ну что, ну что нам с тобой делать, Мальва? — шептал он, чувствуя, что не может терпеть. Руки его ползли по Мальвиному телу, обтекая все выпуклости. Те пружинили под пальцами, отдавая током сквозь одежду.

— Ааай, — вдруг пискнула Мальва, и Иван Абрамыч отскочил от нее, как ошпаренный.

«Я же забыл, что она после аварии...»

— Прости, Мальвочка, прости, пожалуйста, — бормотал он, извиняясь за все сразу. — Прости меня, ладно? Я... я... Грянул звонок в дверь. Иван Абрамыч завертелся, как юла.

— Это предки с работы, — сказала Мальва. — Как всегда, вовремя...

Иван Абрамыч поздоровался с Мироненками.

— Вот, зашел проведать, — громко говорил он. Мироненки всматривались в него, в Мальву, и Иван Абрамыч внутренне негодовал — «как они смеют нас подозревать?», и старался быть приличным и легальным — настолько, что Мальва дернула его за рукав, и Иван Абрамыч вдруг сдулся, как шарик, и сдутый, выполз за дверь.

«Уфффф» — отдувался он, рухнув в свое кресло. — «И что делать? Что в таких случаях

делают?»

В таких случаях благородно скрываются, чтобы не дразнить юное сердце, знал он.

И как ему благородно скрыться, если он живет в соседней квартире? Продавать? Меняться? Из-за них, новоселов? Вся Одесса будет смеяться над ним. Если узнает, конечно.

А Одесса всегда все знает.

Наутро к нему пришел папаша Мироненко.

— Иван Абрамыч, эта, вы не подумайте. Мы вас очень это самое, — вещал он, глядя в пол. — Мы бы всей душой... но, блин, ей же ж только восемнадцать. Человек вступает в жисть, можно сказать. Мы бы и рады такому... ну, вы мужчина положительный, не из этих, шалопаев усяких, с вами можно иметь дело. И мы бы рады, но... дык ведь вот поди ж ты, — сетовал он, хлопая рукой о бедро. — Иван Абрамыч! Она из-за вас и пид машину стрыбнула, ну представляете? Я вас понимаю: она у меня вся... телятко таке. Я сам на нее смотрю, и у нутре скребет. Но и вы меня поймите...

Иван Абрамыч понял и, как только тот ушел, стал собирать вещи. «Две недели хотя бы», думал он, «а там, даст Бог, устанкнится...»

Из-за стены вдруг прорвались голоса. Хлопнула дверь, затопали злые шаги — и только Иван Абрамыч понял, что это значит, как к нему позвонили.

— Мальва? — раскрыл было он рот, и не успел: она влетела в него, обхватила, как обезьяныш, и ткнулась мокрым лицом в шею.

— Ииииыы, — выла Мальва, то ли плача, то ли нет.

Он хотел сказать ей что-то умное, взрослое, как полагается бородатым дядям. Но вместо того почему-то обнял ее, нагнул голову и, замирая от мурашек, стал трогать губами горячую раковинку уха, алевшего в голубых локонах.

Они дышали друг в друга — Мальва ему в шею, он ей в ухо, — и чувствовали, как горячее и влажное проходит сквозь них, слепляя два тела, как куски оплавленного металла.

Потом они целовались. Иван Абрамыч не знал, кто был первый, и вообще как все вышло, — но в какой-то момент осознал, что захлебывается Мальвиным ртом, сладким, как варенье, и их языки лепятся в единый дрожащий ком.

— Ну, — сказал он, когда оторвался от нее. У него получилось хрипло, как у Высоцкого. — Ну что? Мальва...

— Я люблю вас, — гундосила та. Иван Абрамыч вздохнул, подумал — «надо бы остановиться», замер... и все-таки потянул с нее платье.

— Ты этого очень хочешь? — спросил он. Не столько ее, сколько себя.

Раздетая Мальва, пухленькая, вся в зеленке, смотрела в пол. «Как папаша», думал Иван Абрамыч, стаскивая с нее трусики.

— А тут тоже голубое должно быть, — сказал он, трогая смешную шерсть, рыжую, как у нутрии.

— Я покрашу, — покорно согласилась Мальва.

— Глупенькая, — Иван Абрамыч зажмурился и ткнул нос в мягкие розовые шары.

Мальва пыхтела, потом взялась скулить. Ей хотелось громче, но она стеснялась и гудела с закрытым ртом, в себя, как трансформаторная будка. Иван Абрамыч упоенно целовал, лизал, жалил, подсасывал, подминал упругое изобилие, месил его, как тесто, наминал и нашлепывал до красноты... Потом взял одуревшую Мальву за попу и повел к постели. Сны

сбывались.

— Сама напросилась, — хрипел он, толкнув ее в гору подушек. Он так больно хотел ее, что вдруг стал злым.

Мальва упала, махнув голубым локоном. Иван Абрамыч лихорадочно разделся и распихнул ей ноги.

— Ааай!

Его член уперся в Мальву, как бур. Та пискнула и замолкла.

Наступила тишина: Мальва таращила глаза, вновь поголубевшие, а Иван Абрамыч бурил ее, пока не уперся лобком в лобок.

— Ну вот. Больно? — спросил он.

Мальва качнула головой, по-прежнему тараща глаза.

— Ну чего таращишься? Дурочка, — Иван Абрамыч нагнулся к ней и стал целовать, изнывая от блаженства, и потихоньку шуровать в узкой плоти, натягивая ее по всей длине.

Мальва пицала и стеснялась, но потом завелась и обслонявила ему всю бороду. «Откуда в ней это?», думал Иван Абрамыч, чувствуя ее женственность, густую и могучую, как лава. Он никогда никого не хотел так, как эту глупую девчонку с голубой головой, и не щадил ее; «больно — сама виновата», думал он, чувствуя себя кровожадным зверем. — Вот тебе, вот тебе, — хрипел он и долбил ее, закатывая глаза.

Яйца гулко шлепали по липкой плоти. Член искрил и купался в персиковой влаге. Сны стали явью, или явь стала сном — он не знал. Мальва подвывала ему, стараясь выть в тон. Она была большой, спелой, избыточной, как сады Малого Фонтана, юной и свежей до слез, и все ее тело, и глаза, и груди, и даже голубые волосы кричали о любви. Ивану Абрамычу было страшно и сладко трахать ее...

— Вот тебе, — скулил он, морщась от знакомой блаженной боли. Огненная река подперла к яйцам, прорвала шлюзы — и лилась, лилась в Мальву без конца и края, наполняя ее искристым током жизни. «Надо бы выйти... ничего, залетит — и будет всегда моя» — думал Иван Абрамыч, но не головой, а чем-то другим — наверно, печенками. Он вдруг стал пустым и сладким, и рухнул на Мальву, и лежал, трогая языком соленую кожу.

— Не думай, это еще не все, — говорил он сквозь зубы. — Это была только присказка, сказка впереди... Страшно?

— Не, — отзывалась басом потрясенная Мальва.

— Больно?

— Не. Чуточечку...

— Стыдно?

— Ииыы...

— Нравится?

— Ииыы!

— Вот погоди у меня. — Иван Абрамыч слез с нее и встал на колени у кровати. Исцарапанная Мальва была перед ним вся, как блюдо на столе.

Он начал с груди. Язык горел от их соли, и горечь хотелось затушить ею же — до ожогов, до оскомины. Намучив соски, он перешел к подмышкам, потом спустился ниже, к бедрам и к ногам.

Он лизал Мальву опаленным языком, и Мальва блестела в его слюне, как золотая рыбка в масле. Она неуверенно стонала, прислушиваясь к ощущениям, но когда Иван Абрамыч

подобрался к окровавленной раковинке, бедрашки сразу пошли в танец:

— Не надо... ну что вы дел... я стесняюсь... очень... — протестовала Мальва, истекая сладкими ручьями под языком Ивана Абрамыча. Тот лизал ее прямо в распахнутую сердцевину, а потом приподнимал голову и теребил, месил, звонко шлепал лиловое веретено, перемазанное кровью и клеем.

— Не надо, — глухо басыла Мальва и распинала ножки, подставляясь ласкающей руке. — Не надо... не... надааааэээыыы... — выла она, закатив глаза, а Иван Абрамыч смотрел, как она корчится в оргазме, мял ей брызгучую сердцевину и злорадно ухмылялся, чувствуя себя настоящим палачом.

— А теперь ешь! Твоя девственность, — он совал руку ей в лицо, и она покорно слизывала с нее кровь и соки. — И здесь, — он прильнул к ее губам, передавая им вкус жгучего железа. Потом ткнулся в распоротую раковинку, уже не такую узкую, и вновь натянул ее свежим колом.

Посвящение Мальвы было обрядом, древним, как сама жизнь, а он был не Иваном Абрамычем Лобановым, бухгалтером фирмы «Юнитрейд», а богом любви, каменным брызгучим фаллосом, горящим от желания...

— Ты хотела этого, да? Очень хотела? — говорил он, коварно улыбаясь. Мальва, красная, как мак, жалобно смотрела на него. — И я хотел этого, и сейчас хочу. Я вот как хочу!!! — всаживался он в нее, и Мальвины груди колыхались, как желе. — Ты думаешь, что любишь меня, но на самом деле ты меня просто хочешь, и все. Хочешь, хочешь, хочешь, — приговаривал он с каждым толчком. — Я научу тебя любить меня. Я научу тебя, глупая Мальва, девочка с голубыми волосами... А сейчас — вот тебе, вот тебе, вот тебе...

Он снова влил в нее реку семени, и потом никак не мог насытиться — шлепал, тискал, гладил, лизал и снова шлепал Мальву по звонкой попе, малиновой от секса, и Мальва кричала, оглушенная новой жизнью своего тела.

Потом она пела и прыгала, и Иван Абрамыч не знал, где большее блаженство — натягивать колом податливое лоно или смотреть на ее лицо, розовое в голубом, счастливое, как никто никогда еще не был счастлив в Одессе.

Назавтра она пришла к нему с голубой шерстью на лобке.

Иван Абрамыч не сдержался и хрюкнул.

— Что? — отпрянула Мальва, голубая с двух сторон. — Вы сами просили...

— Ничего, ничего, не обращай внимания, — скалился Иван Абрамыч. Щеки ползли против воли.

— Я тоже могу посмеяться, — отодвинулась Мальва. — Думаете, весь из себя? Вон жопа какая, волосатая, как медведь гималайский. И пузо в складках.

— Где? — поджал живот Иван Абрамыч. Это была больная тема.

— А это? Типа бицепсы, да? — Мальва попыталась ухватить его за складку, но тот отскочил. — И борода... Карабас-Барабас! И лысина...

— Мальва!

Эта тема была еще больнее.

— Ее тоже зовут Мальва? Лысина Мальва? Привет, тетка! — Мальва попыталась погладить Ивана Абрамыча по макушке. Глаза у нее были уже не синие, а прямо-таки лиловые.

Через минуту она пулей вылетела из его квартиры, одеваясь на бегу.

— И не приходи! И в дверь не звони! И сиськами тут своими не труси! — орал голый Иван Абрамыч, подвывая от тоски.

Он ненавидел себя в таком ступоре, но выйти из него было еще труднее, чем успокоиться. Хлопнув дверью, он сел на пол, посидел, потом оделся и вышел на улицу. Бабульки провожали его взглядами.

Опомнился он в парке. Ноги сами поднесли его к скамейке и сбросили туда тело, как надоевший груз.

— Уфффф, — выдохнуло тело.

«От кого я убежал? Не иначе, как от себя, дурака», думал Иван Абрамыч, глядя в небо.

— Что, с девушкой поссорились? — спросил кто-то рядом.

С минуту Иван Абрамыч смотрел на паренька, потом просто кивнул и облокотился на спинку.

— Она стерва, да? — продолжал паренек.

— Да, — вдруг сказал Иван Абрамыч и вновь разозлился.

— Ну так и плюньте! Она вас не стоит. Подумаешь, Мальвина!..

— Мальвина? — закричал Иван Абрамыч. — Откуда ты знаешь? Подслушал, гнида?

Подсмотрел, да?

Он вскочил и рванул прочь, не слушая оскорбленного паренька. () Отшагав метров триста — рухнул в кресло уличной кафешки и принялся драть нитки из футболки (дурная привычка детства).

Ему казалось, что весь город в курсе, какой он дурак.

— Разрешишь?

К нему подседа шлюха.

Иван Абрамыч не разрешил, а просто не знал, как запретить.

— Ну. Мы расстроенные такие. Об чем грустим? Ладно, не хошь базарить — не базарь. Со мной тебе будет заебись. Я не какая-нибудь там, у меня нет голубого сияния вокруг головы, но...

— Вы сговорились все, да? — Иван Абрамыч вскочил, опрокинув стул.

Покоя не было.

Он пристраивался к другим кафешкам, но в одной кто-то крикнул — «Карабас-Барабас!...» (он не успел понять, что это кафе так называется), в другой ему подсунули рекламу эстремальных красок для волос... Вся Одесса знала о его беде и смеялась над ней так, как умеет смеяться только она. Даже синее небо казалось ему подлым намеком.

Входя в свой двор, он не удивился, поймав тихое бабулечье:

— Сейчас будет история...

— Иван Абрамыч! Я вас как брата!... — поймал его Мироненко в коридоре. — Сидит, понимаешь? У комнате. Я вас прошу, родной мой... Мучится телятко. Поговори с ней...

Иван Абрамыч подумал и кивнул.

Через двадцать минут он был в комнате Мальвы.

— Мальва, — позвал он.

Голубая голова повернулась к нему.

Она хотела быть сердитой и величественной — но взгляд споткнулся о бороду, выкрашенную в ярко-синий цвет, и щеки сами поползли в стороны.

— Ой...

— Ага, — сказал Иван Абрамыч. — Теперь я не просто Карабас-Барабас. Теперь я Синяя

Борода.

Минуту или больше Мальва боролась со щеками, пытаясь сердиться. Но не смогла, фыркнула — и сразу же с облегчением кинулась ему на шею.

Розовый нос ткнулся в красный кадык Иван Абрамыча, синяя борода — в голубые локоны; счастливая Мальва подпрыгивала, терлась об него, стискивала до хруста — и ржала, как ненормальная, и он ржал вместе с ней.

Сзади выглядывал папаша Мироненко, готовый пустить слезу.

— Телятко, — шептал он.